

Линь Шэнь и Линь Исин разошлись по своим комнатам.

Линь Исин принял душ и лег спать.

В двенадцать часов Линь Шэнь запрыгнул на кровать к брату и сунул ему в руки мягкую игрушку.

Это был плюшевый сиба-ину: с прищуренными глазами, приоткрытой пастью, приподнятыми уголками губ и высунутым языком. Он выглядел настолько глупо и мило, что просто невозможно было не умилиться.

Эта дурашливая улыбка сиба-ину, пожалуй, способна исцелить душу лучше, чем любая другая собачья морда.

Линь Исин замер. Он никак не ожидал, что Линь Шэнь приготовит ему подарок. Он уже собирался спать, а тут внезапно пришел брат...

Это было... довольно неожиданно.

Линь Исин смотрел на игрушку, и уголки его губ медленно поползли вверх.

Этот пес был таким же теплым и солнечным, как и сам Линь Шэнь.

— Посмотри на эту дурацкую морду, он же смешной до колик, правда? — Линь Шэнь ткнул сиба-ину в голову. Именно из-за его нелепого вида он и решил подарить его Линь Исину.

Хотя Система была та еще подлянка, Линь Шэнь не собирался разрывать связь. Жить-то хотелось, а умирать — слишком обидно.

Впрочем, он чувствовал, что Система его не убьет, поэтому набрался смелости, забросил задания в дальний угол и со спокойной совестью принялся наслаждаться своей «юностью».

Он был тем еще Хозяином: Система есть, а заданий — ноль. Весьма своевольное поведение.

Молодость ведь дана, чтобы читать романы, смотреть сериалы и крутить легкие романы...

— Мам, я хочу научиться играть на гитаре... — советовался Линь Шэнь с Чэнь Цинъюй. — И еще, мам, дай мне свой аккаунт на Таобао, а?

Чэнь Цинъюй удивленно спросила:

— Шэньшэнь, с чего это ты вдруг решил гитарой заняться? И зачем тебе Таобао, сам собрался покупки делать?

— Скоро школьный фестиваль искусств, хочу выступить на сцене. А насчет Таобао — ходить по магазинам слишком утомительно, закажу одежду онлайн...

Короче говоря, он собирался начать блистать и красоваться!

В день фестиваля он выйдет на сцену, сядет, тряхнет челкой, ударит по струнам, запоеет — и пусть девчонки в зале визжат от восторга!

От одной мысли об этом он приходил в возбуждение.

— Хозяин, напомним тебе еще раз: твое задание — наладить отношения с Линь Исином, а не красоваться! — и уж точно не доводить главного героя до того, чтобы он окончательно озлобился!

Линь Шэнь не стал отвечать Системе. Он хотел, чтобы его юность была наполнена девичьими любовными письмами, оглушительными криками и вниманием!

Сидящий рядом Линь Исин внезапно посмотрел на Линь Шэня.

Когда-то крошечный малыш, теперь он уже начал обретать мужские черты: проступил кадык, контуры лица стали тверже, а в ясных глазах читалась юношеская удаль и жажда жизни.

Линь Исин, прошедший через этот возраст, прекрасно знал: такой парень, как Линь Шэнь, неизбежно станет чьим-то... объектом обожания.

Линь Шэнь — открытый, жизнерадостный, легкий на подъем, словно сияющий в ночи свет, — конечно, будет нравиться девушкам.

Сердце Линь Исина пропустило удар, в груди что-то болезненно кольнуло.

Линь Шэнь умел играть на гитаре раньше, поэтому, взяв инструмент в руки, тут же начал перебирать струны.

— Брат, послушай, как получается? Ну как тебе? — Линь Шэнь, обнимая гитару, радостно прибежал в комнату Линь Исина.

Так вот оно что... Линь Шэнь просто пришел, чтобы он оценил звучание. Он был лишь пробным слушателем, а играть Линь Шэнь собирался для других, для сотен и тысяч посторонних людей.

Лицо Линь Исина, и без того невыразительное, сейчас совсем окаменело, словно его окутал тонкий слой инея.

— Какой смысл участвовать в этих скучных мероприятиях? — его вопрос прозвучал с ноткой давления.

— Есть смысл! Я выступлю перед всей средней школой! Представь: я начинаю играть, а зал аплодирует и кричит! Это же круто!

Линь Исин опустил глаза и промолчал.

Возможно, так было всегда: Линь Шэнь — солнце, свет и тепло, человек, который по праву рождения должен быть окружен всеобщим вниманием.

А он — сирота, брошенный при рождении, замкнутый чужак, которого все считают странным.

Даже если внешность привлекала девушек, со временем все начинали считать его высокомерным, и никто больше не пытался с ним сблизиться.

Он дрейфовал на окраине мира, стоял на задворках толпы, в то время как Линь Шэнь был главным героем в центре сцены.

Это чувство было невыносимым, словно острые иглы вонзились в сердце, перекрывая дыхание.

Видя, что брат молчит, Линь Шэнь сел на кровать и запел, аккомпанируя себе на гитаре:

— Моя крошка, моя крошка, дам тебе немножко сладости, чтобы ты спала спокойно этой ночью...

— Мой малыш, мой малыш, подразню твои брови, чтобы ты полюбила этот мир...

Накануне фестиваля, пока Линь Шэнь был в ванной, Линь Исин зашел в его комнату. Он аккуратно подпилит струны ножом, убедившись, что внешне повреждений не видно, и спрятал нож в карман.

Нужно было действовать тонко: струны не должны были лопнуть во время дневных репетиций, но обязаны были порваться в самый ответственный момент выступления.

Впрочем, даже если бы они не лопнули вовремя, у него были припасены другие козыри.

На следующий день, перед началом фестиваля, Линь Шэнь репетировал за кулисами. Как и ожидал Линь Исин, проголодавшийся Линь Шэнь попросил одноклассника принести ему еды.

Линь Исин проследил за тем парнем до закусочной у школы и заказал точно такую же порцию.

— Побольше острого, чем острее, тем лучше, — сказал он хозяйке.

Та подняла на него взгляд:

— У меня перец очень жгучий! Ты на цвет не смотри, он не красный, но стоит добавить чуть больше — и прожжет так, что взвоешь.

— Отлично, — ответил Линь Исин.

Наблюдая, как женщина осторожно сыплет приправу, он холодно добавил:

— Еще.

Хозяйка сглотнула и добавила еще ложку.

— Еще немного, — невозмутимо повторил Линь Исин.

Женщина посмотрела на него и покачала головой: такой молодой, а уже... такой упрямый, и ведь не переубедишь.

Забрав контейнер, Линь Исин дождался, пока одноклассник отвлечется на телефон, и ловко подменил порции, пока мимо проходили другие посетители.

По пути в школу он выбросил контейнер в мусорный бак и попытался изобразить улыбку, но вышло механически и жутко.

Ничего не поделаешь, мышцы лица давно отвыкли от улыбок из-за привычной замкнутости.

Разве что в присутствии Линь Шэня.

В те моменты сердце Линь Исина оттаивало, превращаясь в весенний ручей.

Линь Шэнь, не подозревая, в какую ловушку попал, беззаботно хохотал за кулисами.

Принесли еду, он ел и предвкушал: сегодня его день. После этого вечера он станет школьной знаменитостью.

Сделав пять-шесть глотков, он почувствовал во рту жгучую остроту и нахмурился:

— Эй, я же просил не класть много перца!

Ему предстояло петь, он собирался покорить девичьи сердца своим бархатным голосом, а острая пища была под запретом.

— Да я просил, правда, я специально сказал хозяйке! — оправдывался одноклассник.

Линь Шэнь с сомнением проглотил еще пару ложек и сдался:

— Ты издеваешься? Это ты называешь мало?

Этот олух целыми днями вис в телефоне, небось, переписывался с девчонками и перепутал заказ.

Линь Шэнь презрительно зыркнул на него:

— Сиди дальше в своем телефоне, так и останешься одиноким неудачником!

По мере того как он ел, во рту становилось все горячее, горло начало жечь.

Черт, мало того что все идет наперекосяк, так еще и это? Если будет так припекать, он же не сможет петь...

Он залпом выпил бутылку воды, тяжело дыша, голова кружилась.

Фестиваль начался, зал был забит учениками, включая Линь Исина, который с равнодушным видом наблюдал за сценой.

Линь Шэнь выступал третьим. За кулисами у него буквально дымилась голова, и он с трудом сдерживался, чтобы не придушить своего «помощника».

Ведущий уже объявлял его номер, и Линь Шэнь оказался загнан в угол.

Ничего, ничего, у него же есть лицо, от которого все в восторге. Раз уж не получится спеть, он просто будет играть на гитаре.

Под громкие аплодисменты Линь Шэнь вышел на сцену.

Свет прожекторов ударил в лицо, выставляя напоказ его покрасневшие щеки.

Все замерли...

Видали застенчивых, но чтобы так краснеть от смущения?!

Линь Шэнь с гитарой в руках сел на стул, закинул ногу на ногу, сохраняя невозмутимый вид... хотя внутри у него все сжалось.

Петь или не петь?

Раз уж вышел, надо хотя бы попробовать.

Он коснулся струн — звук был чистым и приятным. Линь Шэнь откашлялся и начал:

— Е-е, да-ла-да-да...

Ладно, вроде нормально. Линь Шэнь обрадовался: «Небеса на моей стороне».

— Моя крошка, моя крошка, дам тебе немножко...

Голос Линь Шэня сорвался. В горле словно застряло что-то раскаленное, звук вышел резким, визгливым, совершенно немелодичным.

Это было хуже, чем голос ломкого подростка, скорее, крик петуха.

В зале зашептались:

— Это «Крошка» или «Демон»?

Но кто такой Линь Шэнь? Разве он из тех, кто пасует? «Не повезло, бывает, — подумал он. — Даже если не смогу спеть, у меня есть гитара и мое лицо».

— Простите, я сорвал голос. Чтобы поберечь ваши уши...

— Скри-и-и... — микрофон издал пронзительный визг.

Проблема была в микрофоне, но в сочетании с голосом Линь Шэня это превратилось в пытку, некоторые ученики даже закрыли уши.

Линь Шэнь выровнял дыхание: «Я не сдамся».

— Простите, я буду только играть, а вы просто почувствуйте...

— Да давай уже играй! Хватит болтать, слушать противно! — послышался выкрик из угла.

Линь Шэнь не расслышал слов, но увидел насмешливые лица в зале, и его речь оборвалась.

Это чувство было чертовски паршивым.

Линь Исин, сидевший в зале, обернулся и посмотрел на того парня в углу с таким мрачным и злобещим взглядом, что тот осекся.

Линь Шэнь смотрел прямо перед собой, подбадривая себя, и начал молча перебирать струны.

Мелодия была красивой, было видно, что он действительно мастер.

Но через полминуты игра резко оборвалась.

Линь Шэнь опустил голову, глядя на лопнувшую струну. Взгляд его потух.

В зале снова поползли шепотки, переросшие в гул. Ведущий поспешил выйти на сцену, чтобы сгладить ситуацию.

Линь Шэнь встал, не поднимая головы, с окаменевшим лицом.

Ведущий опустил микрофон и прошептал:

— Линь Шэнь, чего ты стоишь? Уходи!

— Я просто поменяю гитару, я могу продолжить...

— Ты и так потратил кучу времени, что еще играть? Да и голос не в порядке, кому нужна одна гитара?

В зале сидело много людей. Ведущий улыбался, выглядел мягким, но слова его были холодными, как лед, и каждое вонзалось в спину Линь Шэня, как нож.

Линь Шэнь тихо ответил и, развернувшись, пошел за кулисы.

Он старался идти как можно увереннее и спокойнее.

Раз уж так опозорился, то хотя бы уйти надо красиво, а не как побитый пес.

— Посмотрите на него, делает вид, что ничего не случилось, никакой стыдности! Я бы на его месте уже давно убежал, а он идет так медленно, красуется...

Шаг Линь Шэня сбился, и он пустился бежать.

Точно как побитый пес.

За кулисами организатор не сдержался и набросился на него с криками:

— Линь Шэнь, ты что творишь? Знал же, что будешь петь, как умудрился сорвать голос именно сейчас?

— И ладно голос, так еще и струна лопнула... Ты что, специально решил хайпануть?

Организатор был в ярости:

— Сегодня в первом ряду сидят чиновники из управления образования, школа так готовилась! А ты? Ты — позор этого вечера!

Линь Шэнь опустил глаза, его лицо было бледным и застывшим.

— Учитель, ну что уж теперь, случилось то, что случилось. Посмотрите, как он бледен, ему самому сейчас наверняка очень плохо, — Хэ Жаньжань вышла из угла и мягко вступилась за него.

Организатор посмотрел на бледное лицо Линь Шэня, подумал, что тот еще ребенок, который не видел жизни, и смягчился:

— Ладно, ладно, не стой тут, глаза мозолишь, забирай свою сломанную гитару и уходи.

Линь Исин стоял за занавесом, глядя на Линь Шэня сквозь толпу артистов. Тот был бледен, в глазах — тоска.

Линь Исин не мог заставить себя сделать шаг вперед.

Он заставил Линь Шэня страдать.

Он смотрел, как Линь Шэнь уходит с гитарой за спиной, а Хэ Жаньжань кротко следует за ним.

Линь Исин поджал губы и украдкой пошел следом.

На школьном стадионе в вышине висела луна. Парень и девушка шли плечом к плечу, их силуэты выглядели до нелепости гармонично.

Сердце Линь Исина пронзила боль.

— Линь Шэнь, ты такой бледный, может, сходим к врачу? — осторожно спросила Хэ Жаньжань.

Линь Шэнь был погружен в свои мысли и не сразу среагировал. Он выдавил из себя вымученную улыбку:

— Да что такого, зачем сразу к врачу?

— Шэньшэнь... я за тебя волнуюсь...

Яркий лунный свет освещал покрасневшие щеки Хэ Жаньжань. Иногда девичий румянец говорит громче тысячи слов.

У Линь Шэня кружилась голова, он ответил тихо:

— Все нормально, не волнуйся.

Он повернулся к ней:

— Иди, я дойду сам.

— Я... я все же провожу тебя. Нам все равно по пути.

Линь Шэнь горько усмехнулся:

— Жаньжань, я не хочу показывать свою слабость перед девушкой. Понимаешь?

Хэ Жаньжань опустила голову и помолчала.

— Ну... хорошо.

Спустя мгновение она снова подняла взгляд:

— Тогда побудь один, не буду тебе мешать.

Попрощавшись, она развернулась и ушла.

Линь Исин прятался в тени, но Хэ Жаньжань успела заметить его мельком.

Линь Шэнь шел дальше, боль в животе усиливалась, на лбу выступил холодный пот.

Этот перец — просто погибель! Сладкое — вот где настоящее счастье.

Вдруг он почувствовал, что кто-то догоняет его.

Обернулся — Линь Исин.

— Брат?

Не успел он закончить, как Линь Исин схватил его за запястье — так крепко, что стало больно.

— Живот болит? — спросил Линь Исин, и в его голосе не было сомнений.

Он нахмурился, и в мягком лунном свете его взгляд был полон холода.

— Я тебя понесу.

— Не надо, я могу...

Линь Шэнь не успел договорить, как Линь Исин уже подхватил его и взвалил на спину.

— Слушай брата, я донесу тебя до дома...

Один бог знает, сколько усилий стоило Линь Исину сдержаться, чтобы не прижать Линь Шэня к себе.

Один бог знает, как сильно он хотел просто подхватить его на руки.

И как сильно он сопереживал ему.

Линь Исин поступил в университет и подал заявление на проживание вне кампуса.

Линь Шэнь в очередной раз усомнился в логике брата: разве университет без общежития — это полноценный университет? Ведь общага — это лучшее место для дружбы и воспоминаний о юности.

Конечно, при условии, что у тебя нет соседа-чудака.

— Брат, ты серьезно? Не хочешь жить в общегае, а будешь каждый день ездить домой?

Университет находился в пригороде, а дом — в самом центре города. Путь неблизкий, полчаса на машине.

Линь Исин слегка кивнул:

— Не хочу.

— Что у тебя в голове? — Линь Шэнь был в недоумении. Почему этот глупый парень вечно делает все наперекор здравому смыслу?

Может, у него... социофобия? Он помнил, что в детстве у Линь Исина был аутизм, потом депрессия, хотя, казалось, все прошло.

— Да не бойся ты, в общегае весело! Люди со всей страны, вместе знакомимся с девчонками, едим шашлыки, играем в карты, пьем... Это же самое интересное в студенческой жизни!

Когда он сам учился, их комната была полна талантов, они стали не разлей вода, и даже после выпуска он вспоминал о них с теплотой.

Линь Исин все равно упрямылся.

Линь Шэнь вздохнул: не хочет — как хочет, его дело. Он тут распинается, а тот даже слушать не хочет.

Дурак какой-то.

Линь Шэнь сердито убежал в свою комнату, хотя сам не понимал, на что злится.

Раньше Линь Исин всегда его слушал.

А теперь вырос, оперился. Он о нем заботится, а тот только головой качает.

Линь Исин учился на врача, специализируясь на анатомии человека.

В какой-то степени это перекликалось с тем маленьким «маньяком», которым он был в детстве.

Линь Шэнь думал, что Линь Исину просто нравится вид крови, но он не знал, что тот выбрал этот путь лишь из-за одной фразы, брошенной Линь Шэнем много лет назад:

— Брат, станешь врачом — будет круто, скальпель в руках — это так по-мужски...

Линь Исин с холодным выражением лица смотрел на залитые кровью останки лягушки, затем медленно снял белые перчатки и вышел из лаборатории.

Занятия закончились, завтра можно отдохнуть. Он поедет домой, к Шэньшэню.

Когда он приехал к школе, уроки еще не закончились. Он встал неподалеку от класса Линь Шэня.

Он ждал не его.

Точнее, он планировал следить, чтобы подглядывать за его повседневной жизнью.

Ему хотелось знать, как Линь Шэнь живет без него.

Так же ли он чувствует пустоту, словно из груди вырвали кусок, и ходит, потерянный, не в силах ни на чем сосредоточиться?

Хотя он надеялся на это, разум подсказывал: это невозможно.

И точно — заглянув в окно, Линь Исин увидел, как Линь Шэнь весело болтает с одноклассниками.

<http://bllate.org/book/21630/2231715>